

Еще не сказаны все слова...

Песни Михаила Анчарова

Поет Сергей Ниренбург

Вот уже больше 25 лет нет с нами Михаила Анчарова. Полвека прошло после его десятилетнего песенного взлета, после которого он почти полностью переключился на прозу и сценарное дело. Нет, он писал песни и в сороковых, и даже еще мальчишкой в тридцатых. Но почти весь «золотой фонд» песен Анчарова помещается между «Песенкой про психа» 1955-го года и «Большой апрельской балладой» 1966-го. Да, конечно и потом были несомненные удачи в соавторстве с Ильей Катаевым – прелестная «Я ночью шла по улице» и обманчиво бесхитростная «Стою на полустаночке». Но это уже был другой жанр.

А в разгар анчаровской магнитофонной славы в 60-х мы слушали его маленькие шедевры и поначалу удивлялись тому, как это получается, что в его песнях – вспомним «Рыжих коней» или «МАЗ» – простые рассказы ничем не выдающихся людей о своей жизни запоминаются, как яркие картины или эффектное кино. Только потом мы узнали, что Анчаров был еще и прозаиком, и художником, и киносценаристом, и что удивляться было нечему.

А еще были пронзительные баллады о несчастной любви («Она была во всем права») и о том, что любовь и жизнь нужны всем, а кому-то даже и больше, чем другим («Девушка, эй, постой!»). И была живая ностальгия по времени и месту. Не столько даже ностальгия, сколько ощущение принадлежности и страстное желание рассказать, объяснить, *кто ты, когда и откуда*.

Наш рассвет был попозже, чем звон бубенцов

И пораньше, чем пламя ракеты.

Мы не племя детей и не племя отцов.

Мы цветы середины столетья.

Да, всего каких-то тридцать лет между концом эпохи бубенцов, так жалобно оплаканной старым извозчиком в песне из репертуара Утесова, и первым спутником, поэтами на стадионах и полемикой о физиках и лириках, так задевшей Анчарова (помните: «Поэт – это физик, который один знает, что сердце у всех господин».)

А насчет места... Эпиграфом к повести «Этот синий апрель» Анчаров взял слова Гёте из разговора с его литературным секретарем Фридрихом Вильгельмом Риммером: «Поэт должен

знать свое происхождение, должен знать, откуда он». В более полном виде высказывание Гёте звучит так: «Если ты хочешь понять стихи, отправляйся в страну поэзии. Если ты хочешь понять поэта, то тебе нужно побывать на его родине». Отечеством Анчарова была Благуща. Она значила для него, я думаю, больше, чем Арбат для Окуджавы.

«...была Благуща, лучшее место на земле - старый московский район, похожий на рассыпанную корзину, где вперемешку лежали дворы, голубятни, пожарные сараи, бывшие доходные дома со шпаной и дома-новостройки с рабочим классом, булочные, рынки, ткацкие фабрики, краскотерни, кладбища, будки ремесленников, огромные заводы, дворы с бельем, в которых пели... Благуща была песенная страна, там любили всякое искусство. Всякое. Там пели песни, которые сейчас вспомнить ужасно, и хорошие пели. И Гошка тоже пел и писал стихи и песни" ("Этот синий апрель"). Гошка – это Панфилов, alter ego автора, герой автобиографических повестей «Теория невероятности» и «Этот синий апрель».

Анчаров воспел Благущу многократно в живописи, в прозе и, конечно, в песнях. Вообще-то все его многогранное творчество началось с песен. И был он в своем песенном жанре первооткрывателем. Его первая песня – «Не шуми, океан, не пугай» на стихи Александра Грина помечена 1937-м годом (автору – 14 лет!). Окуджава написал «Неистов и упрям» в 1946-м, а первые опыты Визбора, Кима, Городницкого, Дулова и других первооткрывателей «неофициальной» авторской песни появились в начале пятидесятых. Даже блестящие квазинародные песни-пародии Охрименко, Кристи и Шрейберга («Отелло», «Гамлет», «О графе Толстом – мужике непросто») тоже были сочинены только в конце сороковых. А когда Анчаров начинал, писать песни в СССР было положено исключительно членам союза советских композиторов. Так что Анчаров – воистину основоположник. Оспаривать его право на первооткрывательство мог разве что Михаил Светлов, который в 1938-м году придумал песенку «За зеленым забориком», на мелодию которой после войны стали петь знаменитый «Глобус».

Впрочем, по рассказам очевидцев, Анчаров не считал свой рекордный стаж создателя новой песни какой-то особой заслугой. То есть, предпочитал думать не о том, что уже написано, а о том, что он напишет завтра. Всегда, с самого начала. Песни могли стать прелюдией к поэзии: «он подумал, что прежде чем стать лириком, надо стать лирником, как те старики, что бродят по дорогам, накапливают и раздаривают песни, в которых нет пустяков.» А вышло так, что песни стали прелюдией к прозе. Но Анчаров и в прозу стал вплетать свои песни (еще одно новшество, кстати). Иногда даже кажется, что сами повести – и «Теория», и «Апрель», и «Сода-солнце» – были задуманы и выполнены как обрамление

для стихов-песен. А еще Анчаров сам делал рисунки к этим повестям. Такое вот получилось синтетическое искусство – слово, пластика, музыка.

Юрий Ревич считает, что Анчаров – несостоявшийся великий человек. Из тех, кто много обещал, но... У истории, ясно, нет сослагательного наклонения. Но кто знает – может быть Анчаров мог бы стать выдающимся художником. Или романистом. Или драматургом. А то и кинорежиссером. Или продолжать огораживать нас своими песенными балладами. Но Анчаров был “непоседливый человек”. Он хотел никогда не изнашиваться и всегда старался по возможности избегать рутины, привычки. По возможности – потому что иногда приходилось ему работать исключительно ради заработка. Впрочем, такую работу он творчеством не считал. “Ведь творчество - это всегда воспоминание о будущем” (“Золотой дождь”). А уж какое творчество – художника ли, поэта ли – какая разница. Кстати, свои полотна он не подписывал.

Может быть потому, что для Анчарова главным было не имя. Главным была – красота. Он говорил: “красота - это Вселенная в первом лице”. И еще: “Глупость и низость - это от смерти, а от жизни - одна красота, которая умней всех нас и сама знает, что к чему”. Он хотел, “чтоб шар земной помчался по вселенной, пугая звезды запахом цветов”.

Анчаров был мастер. Он ценил качество работы, качество стиха. Его бесила пошлость. Отсюда презрительная “Антимещанская”. Его глубоко огорчали общие места и безликость массового искусства. Вот например: “...как приятно воспевать человека - не водопровод, не метрополитен, хотя это вещи самые полезные для жизни. То есть сделать такое сочинение, конечно, можно, но оно почему-то не поется. И Гошка неожиданно понял, что есть разница между индивидуализмом и индивидуальностью, что индивидуализм под видом общего блага работает на себя, а индивидуальность, наоборот, - под видом работы на себя хлопочет об общей радости. Только это не всегда заметно, потому что и до сих пор еще не редкость, когда признаком хорошего тона считается, если ты не высываешься и сам похож на непроявленную фотографию”. Да, Анчаров был, среди прочего, еще и афорист. Ларошфуко с Благуши. И не подумайте, что это я иронизирую!

Я пою песни Анчарова уже считай полвека. Начал еще мальчишкой в Харькове. И потом пел, когда жил в Иерусалиме и позже, когда попал в Америку. В кругу друзей, часто хором. Один раз такое случилось в присутствии С.Я. и Т.Х. Никитиных. В результате они предложили мне и своему сыну Александру Никитину – замечательному музыканту и владельцу фирмы звукозаписи – записать со мной диск песен Анчарова. Я был польщен, Саша согласился – и вот этот диск у вас в руках. Десять моих любимых анчаровских

песен я пою под аккордеон и сашину гитару.

Сергей Ниренбург

Сентябрь 2016 г.

Саратога Спрингс, штат Нью-Йорк, США